

1979|5

ISSN 0130-2353

КОРОБОК

детский
журнал
с пластинками





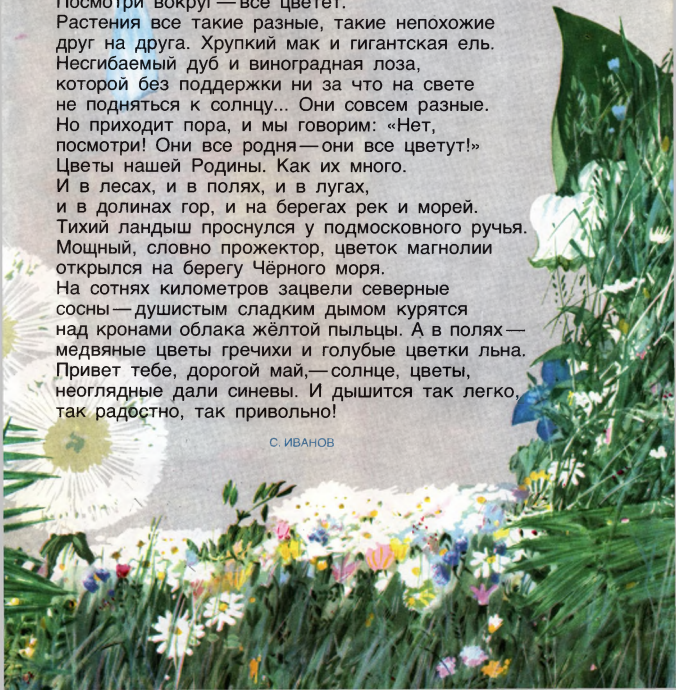
Agnes S. Sear

*Апрель, апрелёнок,
Скорей убегай,
Встаёт из пелёнок
Смелющийся май!*

Посмотри вокруг— всё цветёт

Посмотри вокруг— всё цветёт.
Растения все такие разные, такие непохожие друг на друга. Хрупкий мак и гигантская ель. Несгибаемый дуб и виноградная лоза, которой без поддержки ни за что на свете не подняться к солнцу... Они совсем разные. Но приходит пора, и мы говорим: «Нет, посмотри! Они все родня— они все цветут!» Цветы нашей Родины. Как их много. И в лесах, и в полях, и в лугах, и в долинах гор, и на берегах рек и морей. Тихий ландыш проснулся у подмосковного ручья. Мощный, словно прожектор, цветок магнолии открылся на берегу Чёрного моря. На сотнях километров зацвели северные сосны— душистым сладким дымом курятся над кронами облака жёлтой пыльцы. А в полях— медвяные цветы гречихи и голубые цветки льна. Привет тебе, дорогой май,— солнце, цветы, неоглядные дали синевы. И дышится так легко, так радостно, так привольно!

С. ИВАНОВ



МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

— Папа,—спросил однажды сын,—а ты совсем ничего не боишься?

— Почему?—удивился папа.—Таких людей, наверно, нет, чтоб совсем ничего...

— Ну, да!—не верит сын.—Ты же на ракете в космос летал... И боялся, да?

— Бывало,—смеётся папа.

— Когда?—Сын ещё не знает, верить или нет. Он, хотя и в первом классе, о космосе много знает. От папы. И как в космосе папа летал, как работал. А вот про то, чтобы боялся,—такого не слышал.

— Когда боялся?—переспрашивает папа.—Это надо вспомнить... Хотя... Вот послушай: летали мы с дядей Сашей, летали. Привыкли к нашему дому—космической станции. Станция большая, удобная. И вот...

— Сломалась?!—выдохнул сын.

— Нет. Если бы сломалась, мы бы её починили. Ты что,—строго спрашивает папа,—будешь угадывать или слушать?

И сын понимает: строго—это не понарошку. Это непорядок, когда перебивают.

— Летали мы, летали, жили в станции, работали, и вот...—Папа смотрит на сына, но сын молчит.

Хитрый папа: скажи что-нибудь, и он сначала всё начнет: «Летали мы, летали...»

Но папа продолжал:

— И вот вышли мы из станции наружу.

Сын подумал и всё-таки спросил:

— И тогда ты испугался?

— Нет. Мы же вышли в скафандрах.

— Знаю. Это такая одежда...

— Нет, он только похож на одежду, а в самом деле это маленький космический корабль. Только двигателя у него нет, а всё... почти всё остальное есть. Воздух, чтобы дышать, разные устройства, чтобы и не жарко было и не холодно... В одежде в космос не выйдешь. А в скафандре не страшно.

— А когда же ты боялся?

— Слушай дальше... Вышли мы, посмотрели...

Над нами во все стороны небо чёрное-чёрное, под нами—земля голубая, огромная... Глянешь вдаль—видишь на севере снег, льды, повернёшься—Африка видна, где жарко, где деревья зелёные... Мчатся под тобою реки, горы, даже разглядеть как следует не успеваешь! Мы же очень быстро летим!

— Как самолёт?

— Что ты, намного быстрее! На самолёте самом быстрым всю Землю за целый день не облетишь. А мы—за полтора часа вокруг Земли облетаем... Вот как быстро Земля под нами бежит.

— Вот вы испуга-ались!—с торжеством заключает сын.

— Нет.

— Вы виду не показывали, да?

— Да нет же. Мы радовались и очень гордились: ведь очень мало людей видели Землю так, как мы...

— Ну правильно,—соглашается солидно сын,—чего бояться? Нечего!

Посмотрел папа хитро на сына и спросил:

— А ты знаешь, какое там... Солнце?

— Знаю,—обрадованно говорит сын.—Солнца два не бывает. И в космосе, и на Земле солнце одно и то же...



Июсса и Володя Ковалёнок с мамой и папой—лётчиком-космонавтом СССР, Героем Советского Союза Владимиром Васильевичем КОВАЛЁНКОМ.



Нарисовал Артём КОЛЕСНИКОВ, 7 лет. г. Запорожье.



— Нет, не одно. На Земле про солнце мы как говорим: «Ласковое». А там, в космосе, оно очень злое. На Земле солнце греет, а в космосе — обжигает.

— А почему?

— Всё просто: на Землю его лучи попадают через атмосферу, воздух нас защищает. А в космосе воздуха нет.

— Значит, в космосе жарко?

— Если бы,— вздыхает папа.— А то ведь как? На солнце жарко, а чуть ушёл в тень, так холодно, что... не то что вода, воздух может в лёд превратиться. И это ещё не всё: в станции — невесомость, и здесь — невесомость. Но... всё вокруг открыто: космос — чёрная пустота. И кажется, что летишь — падаешь куда-то без конца...

— Страшно?! — Сын представил, как падаешь, и ладони вспотели, холодок внутри...

— Совсем чуть-чуть,— призвался папа.— Только это даже не страшно, а просто дух захватывает... И красиво.

— А зачем вы выходили из станции?

— О, это очень важно... Там, понимаешь, когда станция ещё на Земле была, к ней прикрепили снаружи кусочки стекла, резины, разных других материалов. Пусть их космос холодом проморозит, жаром пропечёт...

А нам велели эти кусочки снять, перенести в станцию и вернуть на Землю. Их посмотрят, проверят и потом придумают ещё лучшие материалы для космических станций и кораблей. Мы их сняли... и вернулись в станцию. И всё.

— Как всё?

— Ну, не совсем всё. Мы ещё долго-долго летали в станции. Но в космос больше не выходили.

— И совсем ничего тебе не было страшно, ты всё придумал, что боялся.— Сын говорил уверенно и чуть обиженно.

Папа подумал, подумал и согласился:

— Наверное. Просто я забыл.

А про себя подумал: боялся и очень боялся одного: не выполнить того, что поручили ему. Ведь, чтобы выйти в открытый космос, тысячи людей на Земле готовили скафандр, станцию, ракету... Вот их обмануть очень страшно. И нужно очень много готовиться, работать, чтобы дело сделать как следует. Всё это он потом скажет сыну. А может, и не скажет. Сын вырастет, а пока...

— Ты уроки сделал?

— Сейчас,— вздохнул сын. Трудный народ эти взрослые. Только что о таких вещах говорили. Как мужчины... И — на тебе — уроки! И всё же делать их надо. Только сначала всё-таки он нарисует ракету и придумает, как он сам будет летать в космос. Когда станет большим, как папа.

Ну, а к папе — космонавту Владимиру Васильевичу Ковалёнку — гость пришёл. И ушли они с ним туда, где тренируются космонавты.

Там, в большом зале, станция стоит — такая же, как та, на которой Владимир Васильевич Ковалёнок и Александр Сергеевич Иванченков летали 140 дней!



Пётр ПЕЛЕХОВ

А какая она — эта станция? Поставь пластинку, и ты узнаешь много интересного.



Звёзды Кремля

Горят эти звёзды
И ночью и днём.
Под солнцем не гаснут,
Горят под дождём.
И смотрит на них,
Улыбаясь, земля.
Горят эти звёзды
На башнях Кремля!

И. ВЕКШЕГОНОВА

Иллюстрация В. Александров

В других городах, может быть, и не так, а в городе Новгороде всё иначе. Даже время в городе Новгороде как заколдованное. Когда скучно, грустно, дождь и слякоть, когда делать нечего — время медленно ползёт, будто в гору крутую. Когда игры, забавы, солнце! — время летит стрелой. Побегал, попрыгал, песенку спел, глядь — уже ночь на дворе.

— Ой, не напрыгался!

— Ой, не накувыркался!

— Ой, не хочу...

Ты говоришь — не хочу про это.

Говоришь — сказку давай.

Пожалуйста.



На улице было тихо. Пустынно.

Жеребёнок Миша остановился.

— Ты что? — спросил мышонок Терентий.

— Чувствую — там, за углом, кто-то был.

Мышонок Терентий тоже сосредоточился:

— И я чувствую, только за другим углом.

Друзья заглянули сначала за один угол. На столбике, торчавшем из тротуара для каких-то технических целей, в трещине клок шерсти застрял.

Пробежавший мимо пёс, понюхав шерсть, рыкнул:

— Рррр-рр! Кошачья... Но я бы с этим котом дружил.

За другим углом следы лап когтистых.

Пробежавший мимо серьёзный кот с глазами, как перед дракой, осмотрев следы, фыркнул:

— Ффф-ырк! Собачьи... Но где теперь такие собаки?

За третьим углом — царапина на стене. Похоже, козёл подтачивал рога. Но если бы в самом деле козёл — две царапины были бы.

За четвёртым углом ничего — только смех. Вернее, чувство такое, что кто-то здесь хохотал и хихикал.

— У тебя в голове уже возник образ? Это Индрик, — сказал жеребёнок Миша.

Терентий хотел сказать, что никакого зверя Индрика нет и не было, но он был честный мышонок.

— Я думаю, лапы у него собачьи. Тело кошачье. Голова козлиная. А на лбу всего один рог.

— Я тоже так думаю. Только не могу вообразить хвост и уши.

— Хвост и уши не самое главное, — сказал мышонок Терентий. — Побежали быстрее ко мне. Нарисуем Индрика на бумаге.

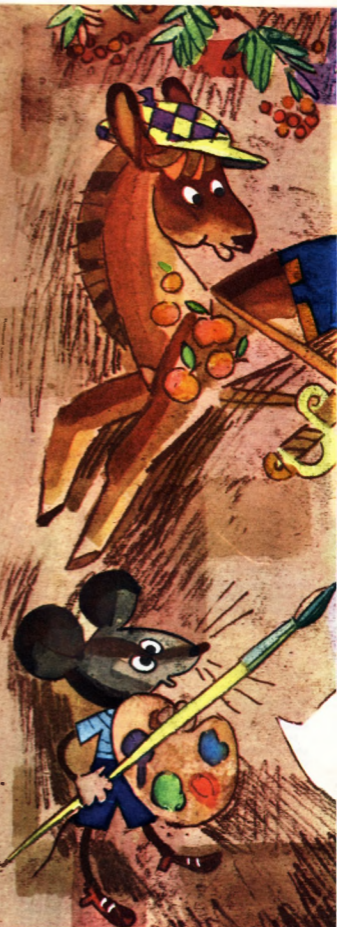
Друзья побежали со всех ног. В таких случаях медлить нельзя, иначе забудешь, какие у Индрика лапы — кошачьи или собачьи. А также сколько у него ушей и рогов.

КЕМЦЫ-ЕМЦЫ, ЛАНЦЫ-ДРАНЦЫ

Рисовать зверя Индрика нужно сразу всего. Мышонок Терентий сначала рисовал глаза жёлтым цветом. Глаза тут же принялись вращаться-тарачиться.

Мышонок Терентий нарисовал голову. Рог на лбу — штопором. Бороду нарисовал. Только наметил рот, как из него высунулся язык и слизнул с палитры зелёную краску.

Индрикова голова гримасничала, хотела сказать что-то, но, как ты знаешь, для разговора



ПРО ЗВЕРЯ ИНДРИКА

Р. ПОГОДИН



одного зелёного языка мало, нужна грудь, полная воздуха.

Мышонок Терентий быстро нарисовал грудь и ещё не успел раскрасить её в кошачий цвет, как зверь Индик завопил во всю мочь: «Кемцы-емцы! Ланцы-дранцы!»

— Это он на старинном языке говорит, — догадался жеребёнок Миша.

Индрикова голова дёргалась. Рот норовил сжевать кисточку. Язык — лизнуть мышонка Терентия в нос.

— Так не пойдёт, — сказал мышонок Терентий. — Нужно приколоть этот язык кнопкой.

— Цынцы-брынцы! — заорал Индик.

— Может, ему почитать что-нибудь, — предложил жеребёнок Миша. — Может, он тогда успокоится и позволит дорисовать себя.

Миша нашёл на полке книжку старинных стихотворений, поскольку правильно рассудил, что древнему зверю Индику старинные стихи будут понятнее.

— Шла собака через мост, четыре лапы, пятый хвост, — прочитал Миша.

Зверь Индик тут же всё переврал:

— Шла собака через хвост, уронила в речку мост.

— Наши овечки около речки, — прочитал Миша.

— Наши овечки вылезли из пещки, — переврал Индик.

Мышонок Терентий попытался всё-таки приколоть Индиков язык кнопкой. Но язык так вертелся, что в конце концов мышонок Терентий уколол себе кнопкой ухо.

— Нужно быстрее докрашивать, другого выхода нет, — сказал он. — Миша, рисуй хвост.

Жеребёнок Миша нарисовал Индику хвост пушистый. Индик хвостом махнул — стал голый, с кисточкой на конце.

Мышонок Терентий спешно докрашивал Индику лапы и туловище. Только докрасил, зверь Индик завопил своё: «Кемцы-емцы!» — и прыгнул на пол.

Он был такой:

Лапы собачьи.

Тело кошачье.

Голова козлиная.

На лбу рог — штопором. Один.

Уши длинные.

Хвост, как у телёнка, с кисточкой.

— Ух! Я тебя сейчас съем, — сказал Индик мышонку Терентию и зачем-то прыгнул в окно.

Если ты помнишь, мышонок Терентий жил на самом верху самой высокой башни, в избушке-сторожке. Зверь Индик разбил бы, но друзья втянули его за хвост обратно.

— Фу-ты, ну-ты — высота! — воскликнул зверь Индик. — Шла свечка через печку... Где у вас лаз? На волю хочу. — Он проломился в дверь и помчался по лестнице вниз. С хохотом и грохотом.

— Ну, чудеса... — прошептали жеребёнок Миша и мышонок Терентий.

Вечером того дня многие новгородские ребята пришли домой с зелёными пятнами на рубашках и платьицах. Они объясняли родителям, что их лизнул весёлый зверь Индик, который вдруг появился в Новгороде за всеми углами сразу. «Кемцы-емцы!» — клялись ребятами. Но родители им не верили.

Иллюстрация Р. Погодина

Муравьи когда-то очень давно жили не семьями, как сейчас, а каждый отдельно.

Каждый сам добывал себе пищу и заботился только о себе.

Было им сиротливо и грустно. Так сиротливо, что небо смотрело, смотрело да и заплакало.

Этот плач обернулся ливнем.

Муравьёв ливень застал кого на ветках, кого на листьях, кого на земле.

Ливень бушевал несколько дней. А когда стих и выглянуло солнце, Молодой Муравей посмотрел вокруг и похолодел: сколько мёртвых муравьёв несли дождевые потоки!..

Молодой Муравей, хотя и очень ослабел, напруг последние силы и пополз. Надо что-то делать, чтобы спасти оставшихся в живых родичей.

Но что можно сделать, он не знал.

Вдруг видит — на взгорке, где уже подсохло, Пчела собирает нектар с цветов.

Молодой Муравей рассказал Пчеле про беду, которая приключилась с его роднёй.

— Таким слабым и маленьким, — сказала Пчела, — надо держаться вместе, как это делаем мы, пчёлы. Мы живём роями — большими семьями. Одни из нас запасают мёд, другие прибирают в ульях, третьи присматривают за детьми... И вам надо жить большой, дружной семьёй.

Пчела улетела, а Молодой Муравей отправился искать уцелевших родичей.

Собрал их и рассказал, что посоветовала Пчела.

Муравьи обрадовались и принялись за работу.

Каждый очень старался, и через какое-то время вырос муравейник. Были в нём и детские ясли, и спальни, и кладовые, и запасные выходы...

С тех пор муравьи живут огромными семьями.

Они между собой никогда не ссорятся. А если кто-нибудь нападёт на них, храбро защищают один другого.

Даже погоду муравьи научились предсказывать. Когда увидишь, что они выносят деток из муравейника и где-нибудь на высоком месте начинают возводить новый, — это верная примета того, что скоро будет ливень.

Пересказал с вьетнамского Г. Кустов



Слушай пластинку, смотри картинку, сочини сказку

2



Турар КОЖОМБЕРДИЕВ

Владимир ОРЛОВ

Луна

Вышел вечером и вижу:

В луже плавает луна.

Я подкрался к ней поближе—
Не сбегала бы она!

Ах, как взять её хотелось!..

Руку в воду опустил,

А она и разлетелась!

Упустил, упустил...

Перевёл с киргизского
М. Ватагин

Возьми свое солнце

В яркой шляпе

Золотой

Ходит солнце

Над землёй,

А потом

Снимает шляпу

И прощается

Со мной.



Людмила С. Смирнова

Переверни страницу. Ты увидишь картину. Нарисовал её художник Виктор Тихонович Черноволенко. Не правда ли, картина необычная?

Почему необычная? Давай поразмышляем. Допустим, разные художники рисуют дерево. Ты посмотришь на рисунок одного из них и скажешь: «Тут нарисовано дерево». И даже, наверное, сможешь определить, что за дерево нарисовано—дуб или берёза, сосна или клен. Про рисунок другого художника скажешь: «Какое могучее дерево, словно сказочный богатырь!» Значит, ты не только заметишь, что нарисовано дерево, но испытаешь вместе с художником чувство удивления и даже почтения перед деревом-великаном. А третий художник дерева и не нарисует, а всё-таки ты почувствуешь настроение, с которым турар художник рисовал картину. Это настроение передадут цвет, линии...

Вот почему картина, что нарисована здесь, необычна. Наверное, глядя на такую картину, самому захочется подумать, пофантазировать, сочинить какую-либо историю или даже придумать сказку.

Может быть, попробуешь? Тебе поможет музыка, которую ты услышишь на пластинке. Тогда поставь перед собой картину и включи проигрыватель...

Несколько советов родителям и воспитателям

Редакция журнала «Колобок» предлагает вам принять участие в необычном эксперименте. Перед вами трудная и увлекательная задача—помочь нашим детям войти в мир искусства. Путь этот—в пробуждении творческой фантазии ребёнка.

Ребёнок придумывает интересную сказку при одном условии—если он сможет эмоционально пережить увиденное и услышанное, войти в мир образов музыки А. Скрябина и картины В. Черноволенко.


Некоторые вещи нужно избегать. Например, в одном случае дети «приклеиваются» к картине или к музыке, пытаются буквально их пересказывать. В другом случае мы сталкиваемся с безудержной фантазией, которая уже потеряла эмоциональные ориентиры, задаваемые музыкой и картиной.

Если у ребёнка совсем не получается—помогите ему. Сочиняйте вместе. Запишите свои наблюдения о том, как слушал ваш ребёнок музыку, что выделил в картине, насколько детская фантазия соответствовала эмоциональным образам произведений искусства. Работу с пластинкой можно провести в детском саду на групповом занятии.

Ждём ваших писем!

Ирина Вахнянская, психолог





Посмотри,
может, это дно океана...
А может быть, отблески
северного сияния.
Или так выглядит
подземный грот,
или сказочное озеро на
далёкой-далёкой планете...

*Слушай пластинку,
смотри картину,
почини сказку*



Виолетта
ПАЛЬЧИНСКАЯ

Говорит картошка свёкле...

Говорит картошка свёкле:
— Вместе мы на грядках мокли,
Но слышала я от лука—
Ожидает нас разлука...
Лук беду тебе пророчит:
Борщ варить хозяйка хочет,
А из свёклы, без сомненья,
Борщ—ну просто объеденье!

— Нечего, сестрица, охоть:
Мне в борще совсем неплохо!
Это ты сама поймёшь,
Как на кухню попадёшь.
Нос сотрут тебе на тёрке—
Да на жаркую конфорку!..
До чего ж они вкусны—
Из картофеля блины!

Иллюстрация В. Мещеряков

Перевёл с литовского Г. Герасимов

В. ФЕТИСОВ Загадка



Я и туча,
и туман,
и ручей,
и океан,
и летаю,
и бегу,
и стеклянной
быть могу!

(Вода)

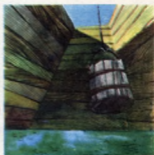
Загадка



Над полями—
как линейки,
а над нами—
как из лейки!

(Дождь)

Загадка



Под землёй,
в избе простой,
я наполнен
чистойю.
Принесите
пустоту—
почерпните
чистоту!

(Колодец)

Загадка



Из-под
красного
ковра
поднялась
жар-птица:
просыпайтесь!
Всем пора
начинать
трудиться!

(Ковёр)

Про деду и сверчка

* Бывль-небыль *

Видишь, музыкальные инструменты нарисованы? В старину на Украине с этими инструментами ходили бродячие музыканты.

Вот слушай историю, что приключилась с одним дедом-бандуристом.

Ходил он из села в село, песни пел, сказы сказывал, а тут вдруг перестал выходить из хаты.

— Ты что, диду, занемог?—обеспокоились люди.

— Какое там! Сверчок у меня на печи объявился. Всю ночь трещит, уснуть не даёт. Вот я ночь досыпаю днём...

— А ты его, диду, за качай колыбельной. Пусть спит и тебе не мешает.

Послушался дед совета добрых людей, достал в ту же ночь из сундука ДРЫМБУ—музыкальный инструмент, похожий на подкову, что вешают на двери для счастья, приложил её к губам и стал наигрывать колыбельную.

Как услышал сверчок дрымбу, так не то что заснул, а вроде даже обрадовался: трещит, трещит, словно деду помогает. Видимо, тоже понимает толк в музыке!

Пошёл дед наутро к реке, срезал кусок камыша, наслверлил сверху шесть игровых дырочек, и готово дело—славная получилась СОПИЛКА, залюбуешься!

Ночью стал играть на сопилке, а сверчок, как услышал, совсем развеселился и стал выводить такие рулады, что деду бы и во сне не приснились, если бы, конечно, он заснул.

— Выходит, я тебя ещё голосистой сделал!—не на шутку рассердился дед.—Ну, погоди! Всё равно моя возьмёт!

Был у деду ещё один музыкальный инструмент с диковинным названием КОЗА-БАС—пузырь из козьей шкуры с тремя струнами жильными да сверху тарелкой медной. По струнам смычком начал водить, по пузырью и тарелке бить, шум поднял, перепугал сверчка до смерти. Тот с перепугу заверещал пуще прежнего!

Тут уж дед вконец рассердился: — Ах, ты такой-сякой! Уж сегодня-то я тебя одолею!

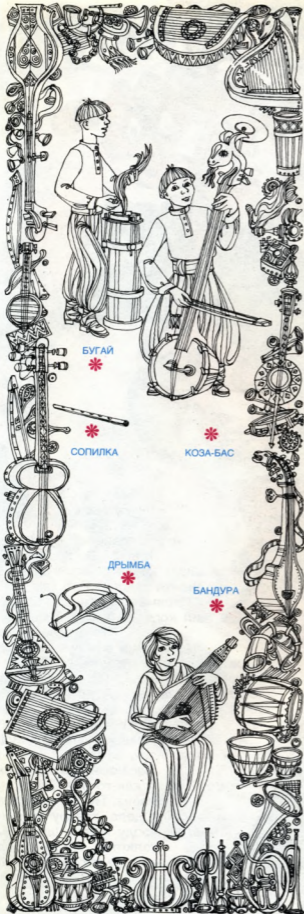
Ночью дед снял со стены БАНДУРУ, которой дорожил больше всего. Поллюбовался нарядным рисунком кленового дерева, из которого сделана чаша-корпус, смахнул пыль и попробовал струны: не расстроились ли?

И такую нежную колыбельную сыграл дед в эту ночь на бандуре, что сверчок слушал, слушал старого бандуриста, пока... не уснул.

С тех пор дед каждую ночь колыбельные сверчку играет.

Г. АБРАМЯН

А то ещё послушай историю.
Про Охрима-музыканта...



*По мотивам
украинских
народных
сказок*

Было это
или не было,
кто не верит,
пусть проверит.

Жил да был
в наших краях Охрим-музыкант.
Не знаете такого? Вот так так!..

Охрима-музыканта, который
жил когда-то у Сухой Вербы...

Кто его не знает!

Это был на все руки мастер!
Лопату или что другое—всё, бывало,
сработает! Бывало, что ни приметит,
так враз и сделает. А уж на свадьбе
или в какой другой компании—только
его и слушай. Он и сыграет и споёт.

А как начнёт рассказывать, откуда
что и берётся, будто из рукава сыплет.

Весёлый был человек!

Вот пошёл как-то раз Охрим на
ярмарку. Ну, на ярмарке,
известное дело, товару всякого
тьма и народу полно: шум, гам,
толкотня. А где народ,
там и музыкант со своей музыкой.

*Да что долго толковать—
ставь пластинку и шагай себе
следом за Охримом.*

МУЗЫКАНТ

смотри картинку



Сценарий И. Никитиной
Музыка Е. Коваленко
Исполняют артисты
киевских театров
и вокально-инструментальный
ансамбль «Кобза»



Художник В. Карасёв

Л. МАТВЕЕВА

Серёжин



Когда средняя группа вышла гулять, Серёжа первым кинулся к деревянному дракону. У дракона было три головы, а в остальном дракон был похож на обыкновенного крокодила — такой же хвост, такая же спина, такие же короткие изогнутые лапы.

Ещё вчера, когда Серёжа уходил из детского сада, этого дракона здесь не было. А утром, когда мама вела Серёжу в сад, он вдруг увидел на участке этого прекрасного дракона. Длинный хвост лежал на земле, спина была зубцами, особенно понравились Серёже три головы, и у каждой пасть, совсем не страшная.

— Мама! Смотри! Кто это?

— Дракон. Пошли скорее, опоздаем.

Они почти бегом проскочили мимо, Серёжа даже не успел рассмотреть его хорошенько. И пока завтракали и пока одевались, он все мечтал, каким хорошим окажется дракон, если познакомиться с ним поближе.

И вот средняя группа вышла на прогулку, и Серёжа самым первым добежал до дракона. Он быстро вскарабкался на деревянную спину, спина была тёплой, её нагрело солнце. А между зубцами было удобно сидеть. Серёжа уселся и сказал:

— Это мой дракон!

Если бы он не сказал так, ничего бы не было. Но он так сказал. И сразу подошёл Вадик:

— Не твой, а общий.

Подошла Леночка и погладила дракона по одной из зубастых голов. Подумала немного и погладила по остальным двум, чтобы никакой голове не было обидно.

Вадик сказал:

— Слезай, Сергей. Посидел, и другие хотят. — Он потянул Серёжу за ногу. Но Серёжа вцепился в дракона руками и ногами.

— Не слезу, это мой дракон, я его ещё утром увидел.

— Я тоже утром увидел. — Вадик старался стащить Серёжу. Пришлось немного брыкнуть Вадика. Вадик завизжал от обиды, и сразу подошла Светлана Александровна.

— Взрослые люди, скоро пять лет, не могут договориться! Почему скандал? Разве для этого шефы подарили нашему детскому саду такого прекрасного дракона?

— А что же он? — сказал Вадик. — Сел и сидит. «И буду сидеть», — подумал Серёжа и ещё крепче ухватился.

Воспитательница сказала:

— Ну и пускай не слезает, зачем же стаскивать? Не каждый день приходится человеку покататься верхом на драконе, правда?

— Другим тоже хочется, — напустился Вадик. — Ему хочется, а другим не хочется? Какой хитренький.

— Ты тоже садись, Вадик. — И воспитательница посадила Вадика за Серёжей. — Видишь, здесь много места. Держись крепче.

— А мне можно покататься? — спросила Леночка.

— Конечно. Смотрите, ребята, какой длинный дракон. Все могут кататься на нём, не надо ссориться.

Леночка тоже взобралась на деревянную спину. Потом влезли Катя, Аня, Коля.

дракон



Дизайнер: А. Барков

— Поехали! — кричал Вадик. — Вперёд! В Африку! На Северный полюс!

— Лучше к Чёрному морю, — сказала Леночка, её мама уехала отдыхать в южный город, и Леночка скучала.

— В Антарктиду, а потом к Чёрному морю, — сказал Вадик. — На драконе можно, куда хочешь!

Все кричали, смеялись. Только Серёжа молчал. Он сидел и думал о чём-то. Воспитательница увидела, что дети больше не спорятся, и отошла к другим ребятам.

— В Антарктиду! — кричал Вадик. — В дальние страны!

И тут Серёжа медленно слез с дракона, потрещал его по деревянной спине и отошёл.

— Серёжа, ты что? — позвал Вадик. Он уже не сердился на Серёжу. Зачем сердиться, когда весело?

Серёжа тихо сказал:

— Ему, наверное, тяжело возить столько людей сразу. Мне его что-то жалко стало, дракона.

— Да ты что? — засмеялся Вадик. — Тяжело! Он вон какой сильный.

— Сильных тоже надо жалеть, — ответил Серёжа.

С тех пор прошёл целый год. Длинного деревянного дракона все называют «Серёжин дракон». Все на нём катаются, ходят по его спине от хвоста до любой головы и обратно. Зимой смахивают с него снег. Осенью страхируют жёлтые листья. Иногда это делает Леночка, иногда — Вадик или Аня. А дракон всё равно считается Серёжиным. Потому что кататься верхом может всякий. Но не всякий догадается вовремя пожалеть.

МОРСКИЕ ОГНИ

А. БАРКОВ

У берега море зеленоватое. Дальше оно чернеет, становится дегтярным, но темнота эта не пугает Диму. Мальчик часами может сидеть на крутом, скалистом берегу, смотреть вдаль и мечтать. Обычно Дима приходит сюда один, а сейчас рядом с ним Славка.

Славка переступает с ноги на ногу, швыряет в море плоскую гальку:

— Пять раз вынырнет...

— У-гу! — соглашается Дима.

Славка размахивается, снова бросает в море гальку:

— О чём задумался?

Сумерки густеют, переходят в темень. По небу золотым апельсином катится луна. Море вспыхивает огнями, вздыхает и как бы переваливается с боку на бок.

— Слав! Ты когда-нибудь считал огни?

— Да что я, того... Тоже мне выдумал.

— Ничего не выдумал. Просто огни живые.

— Живые?! — Славка поправил съехавшую на глаза кепку и безнадёжно махнул рукой. Дима надулся и притих.

Далеко-далеко, где не отличишь море от неба, вспыхнул и погас огонёк.

Дима привстал и крикнул:

— Знаешь, я во-о-он на тот огонёк загадал!

— А что будет?

— Увидим? — тихо ответил Дима.

Набегал ветер. Растрепал льянью Димину чёлку. Обдал ребят колючими брызгами, покачал старые портовые фонари, заскрипел сетями и улетел в море.

Внезапно дальний огонёк оторвался от тысячи других, ожил и пополз куда-то своей дорогой. Р-раз — и превратился в горящий светлячок, потом померк на миг и тут же вспыхнул огромным, ночным солнцем.

— Корабль! — кричал Славка. — Вон гляди... Во-о-он!

— Мой огонёк ожил...

— А если я загадаю? Сбудется?

— А как же! — кивнул Дима.

И, словно подтверждая слова маленького мечтателя, вдали вспыхнули и побежали новые огоньки. А корабль загудел густо, призывно: «Сбу-у-дет-ся!»



ИГРАЕМ?



Не расплески воду

Каждому из двух участников состязания вручается кружка, до краёв наполненная водой. Кружки должны быть одинакового размера.

Требуется, не выпуская из рук кружки с водой, преодолеть полосу препятствий: 1) прыгнуть через канавку, 2) пробежать 10 метров, 3) пройти по бревну.

Соревнующиеся проделявают этот маршрут поочерёдно. Победа присуждается тому, кто, преодолев все три препятствия, меньше расплескает воды.

У каждого котёнка свой клубочек.
Каким клубком кто играет?



№ 5(87)
1979

Год основания — 1969

КОСМОБОК

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ДЕТСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «КРУГОЗОР»

© ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ ССРС ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ 1979 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Художник О. А. Кознов
Технический редактор И. А. Кузьмина
На 1-й обложке рисунок
художника С. Алимова

слушайте
на пластинках



РАЗГОВОР
С КОСМО-
НАВТОМ

Разговор
с космонавтом
В. В. Ковалёнком
ведёт
П. Пелехов

КАК
РОЖДАЕТСЯ
СКАЗКА

ОХРИМ-
МУЗЫКАНТ

Режиссёр
В. Иванов

ВЕРНЫЕ
ДРУЗЬЯ

Жила-
была
песенка

Детские песни
Анголы,
Голландии,
Японии
и Советского
Союза исполняют
детские хоры
и солисты

Адрес редакции:
113326, Москва, ул. Пятницкая, 25.
Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и ГДРЗ
Сдано в набор 02.03.79.
Подписано к печати 16.03.79.
Формат 60×84/4. Сетевая печать.
Усл. печ. л. 1,87, уч.-изд. л. 2,60.
Тираж 250 000 экз. Заказ 309
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.
Цена 65 копеек.

Верные друзья

Мы, дети, громко скажем взрослым:

«Хотим радостно и счастливо жить у себя дома,
хотим, чтобы 1979 год — Международный год ребенка —
был годом счастья для всех детей всего мира!»

(ИЗ ПЕСНИ АНГОЛЬСКИХ ДЕТЕЙ.)



Иллюстрация М. Эрлангера

слушай пластинку
4
смотри картинку

Ты, наверное, встречал эти цветы. А знаешь ли их названия? Если нет, то запомни.

ХОХЛАТКА



ВЕТРЕНИЦА ЛЮТИЧНАЯ



КАЛУЖНИЦА



МЕДУНИЦА



ПРОЛЕСКА



КУПАЛЬНИЦА

